

1989. - 19 фев. - с. 7

НА ПРОВОДЕ — БРАТИСЛАВА

РЕВОЛЮЦИЮ НАЗВАЛИ «НЕЖНОЙ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Союза деятелей искусств Словакии Освальда Заградника я застал в его кабинете крайне озабоченным и, как мне показалось, расстроенным. Он рассеянно перебирал бумаги на рабочем столе и извинился, что не может сразу включиться в беседу: «Голова кругом идет. Союз распадается, да и вся наша писательская братия на грани раскола...»

Справка. Освальд Заградник, драматург, 57 лет. Член КПЧ с 1959 года. Наиболее известные пьесы, которые были поставлены в Советском Союзе: «Соло для часов с боем», «Соната для павлина».

Свою революцию здесь назвали «нежной», а самую массовую организацию Словакии — «Общественность против насилия». Как и пражский «Гражданский форум» она провозгласила лозунг «К демократии — через согласие и взаимопонимание». Пока новое движение держит слово.

«Как мы любили упрекать молодых в пассивности, в равнодушии! А они слушали и молчали. Наверное, им не о чем было с нами говорить. И вот взрыв 17 ноября. Кто мог ждать, что реакцией на жестокость сил охраны порядка будет всеобщая студенческая забастовка. У чехословацкой революции не было Бастилии, не было Зимнего дворца. Просто молодежь сказала: «Хватит!» Сказала не громко, но твердо.

Почему первыми присоединились театры? Освальд Заградник «выдержал паузу»: «Да потому, что они жили коллективной жизнью, были единомышленниками в отличие от нас, индивидуалистов, — писателей, драматургов да и журналистов тоже. Самые известные актеры не боялись выйти на улицу. На передний край борьбы за демократию, за перестройку всей нашей жизни. Их знает и любит народ, и за ними пошла. Сначала робко, несмело. А потом решительнее, отважнее. Молодежь была впереди. Помните плакаты «Мамы и папы! Идите с нами!» Не прошло и недели, и родители стояли рядом с детьми».

Да, я помню поразительную быстроту, с которой разворачивались события, и совершенно не свойственные революциям порядок, спокойствие, дисциплину. Во время митингов некоторым становилось плохо. В основном это были пожилые люди, которые за 20 последних лет уже расстались с надеждами «Пражской весны». Актер Милан Княжко, «ведущий» манифестаций, голосом, чем-то напоминающим голос Кашпировского, произносил: «Санитарную машину, носилки, сделайте коридор». И без того спрессованная толпа, мгновенно сжималась, открывалась полоса асфальта, по которой мог проехать тяжелый грузовик.

Помню бастующих студентов, седура диалога, дискуссий с партийными и государственными руководителями, которым приходилось невероятно тяжело. Они привыкли к монологу... А потом — субботник. Бастующие работали. Наверное, никогда больше я не увижу Братиславу такой чистой...

«Я безгранично верю этим ребятам, верю, что они хотят добра своей стране, — мой собеседник заговорил быстро и взволнованно. — Они показали пример всем. И нам всем в первую очередь. Вы знаете, чем отличается 1968 год от ноября 1989-го? Тогда партия возглавила перемены. Партия и была больше всех наказана. Кого исключили, кто просто ушел в тень, стараясь сохранить себя, свое «я» в узком кругу близких и самых верных друзей. Сейчас было все наоборот: события развивались снизу. И те, кто вышел на улицы, с самого начала потребовали отставки всего партийного аппарата. Отмены конституционного права КПЧ на руководящую роль. Горько было слышать эти требования, но они справедливы».

Я не перебивал О. Заградника, хотя разница между событиями, разделенными 20 годами, мне была ясна. Как представитель страны, организовавшей «интернациональную помощь», я предпочитал слушать, тем более что еще в начале 70-х многим из нас так хотелось верить, что мы действительно помогли Чехословакии, спасли социализм. В этом стыд-

но признаваться, но лучше сделать это сейчас, чем никогда.

«Все эти годы мы стремились найти выход. Каждый по-своему. Но все равно никто не мог быть до конца честным. Сейчас мы «открываем сейфы». Это выражение сопоставимо с вашими «снять с полки фильм» или «достать из ящика рукопись». У меня тоже были свои рукописи, свои пьесы, которые не могли поставить театры: «Крыша убежища», «Возвращение». Только спустя годы одна из них появилась на периферийной сцене под другим названием и основательно переделанная. Аппарат не считался с нами. Достаточно было одного слова работника из ЦК — и разговор на этом кончался».

«Но вы же сами были на высоких постах. Неужели даже с вами не считались?»

Я думал, что мой вопрос смутит О. Заградника, хотя в общем-то такой цели не ставил. Он ответил абсолютно спокойно:

— Считались, но относились ко мне как к коммунисту-либералу, а значит, я не был равноценным партнером. Весь парадокс моего состоит в том, что по тогдашним меркам я был излишне демократичным, а по теперешним — меня воспринимают как консерватора. Но я всегда был за то, чтобы соблюдались правила игры. Иначе любое политическое, общественное явление обречено на провал. И на перекрестке истории должен стоять светофор, красный свет остановит вас, даже если вы спешите. Не сердитесь и не нервничайте. Когда вы пойдете на зеленый, перед кем-то другим загорится красный. И он также будет стоять и ждать. Мне кажется, что далеко не все это понимают сейчас, а значит, есть опасность, что в нашей такой спокойной и мирной революции начнут действовать силы, которые могут дестабилизировать обстановку. Я боюсь этого не потому, что боюсь за себя, за свою карьеру или будущее. Просто за долгие годы у нас впервые появился шанс стать культурным, цивилизованным государством, занять

свое достойное место в Европе. Было бы преступлением упускать такую возможность.

Интеллигенции приходилось труднее всего. Именно она оказалась тем «жертвенным барашком», принесенным на алтарь «очищения» партии. Кто-то молчал, кто-то уехал, кто-то приспособился. С какой завистью следили все эти люди за перестройкой у нас, прощая ей все ошибки и промахи! С какой радостью скандировали они на митингах: «Горбачев! Горбачев!» Взволнованно убеждали меня, что мы не умеем ценить этого человека. Комплекс 1968 года перерос в комплекс 1989-го. «К нашей стране потеряли интерес. Что-то надо делать!» Обида и горечь звучали в этих столь часто повторяемых словах.

«Я думаю, что последнюю точку поставили события в ГДР. Перемены там наступили так стремительно, что, по-моему, привели в определенную растерянность не только ближайших соседей, но и самих немцев. Хотя, надо отдать им должное, свои преобразования они начали проводить с традиционными дисциплинированностью и последовательностью, чего, кстати, не хватает нам, славянам...»

Разговор прервал телефонный звонок. Пока Заградник обсуждал с кем-то результаты съезда писателей Словакии, я записал в блокнот свой последний незапланированный вопрос: «Чего вы больше всего опасаетесь сегодня?»

«Замены одной диктатуры другой. Новое движение предложило всем честный и открытый диалог. Он начался. Но, к сожалению, уже сейчас часто выглядит как обвинительный монолог одной стороны. А мы знаем ваш опыт, внимательно следим за событиями в Польше и Венгрии. Только отрицание — слабый фундамент для нового дома, и сведение счетов, и личные амбиции. Из ствола дерева можно вырезать скрипку, а можно и дубину. Поэтому важно, чтобы оно оказалось в добрых и талантливых руках. И тогда будет скрипка, будет мелодия любви и взаимопонимания. Тогда мы сможем сказать: «Не зря мы назвали нашу революцию «нежной»...»

Александр САМЫЛИН.

(Корр. Гостелерадио СССР в Братиславе — специально для «Советской культуры»).